

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Д. М. Леонтьев

Кавалер Красной Звезды

Тотальный политический стеб

Дмитрий Леонтьев

**Кавалер Красной Звезды.
Тотальный политический стеб**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Леонтьев Д.

Кавалер Красной Звезды. Тотальный политический стеб /
Д. Леонтьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Офицеры ФСБ играют в русскую рулетку. Американец клеймит цены на кофе в Москве. Сибирская бабка решает проблемы с оргазмом. ЛГБТ-сообщество раскрывает тайны русофобии. Пиво, сваренное в подвалах Лубянки, валит серьезных людей. Но, главное, это ответ на вопрос: помогают ли женские прокладки вместо стелек? Треш, угар и содомия. Все как мы любим. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	7
Каток паранойи со времен каина и содома	7
«Все пропало...»	8
«Давай, Михалыч...»	9
Кальсоны, демократы и женские прокладки	10
Клиент готов	11
Сны офицеров	13
Держи салют!	15
Москва. Кремль	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кавалер Красной Звезды

Д. М. Леонтьев

© Д. М. Леонтьев, 2018

ISBN 978-5-4490-8689-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В тексте использованы фрагменты книг Н. В. Гоголя «Мертвые души», В. О. Пелевина «Желтая стрела» и песни «Морзянка» на слова М. Пляцковского. На самом деле это вообще сборник цитат, как явных, так и завуалированных. Немного детектив, немного приключение, фантастика, пародия, фарс, сказка и реализм. Книга создавалась при поддержке компании Regoni, и ее директора Романа Петченко великого филантропа, мецената и мракобеса.

Часть 1

Каток паранойи со времен каина и содома

Бывает, из-за ерундовых обстоятельств начинается нешуточный переполох. При этом в водоворот событий вовлекается масса людей, не ведающих о первопричине. Мы наблюдаем это в новостях. Каждый день. Остановить этот театр абсурда невозможно. Остаётся лишь гадать, кто извлечёт из творящегося на международной арене бардака большую выгоду: мы или они? Кто будет наказан: типы, заварившие эту кашу, или назначенная ими жертва? Кого будут славить потомки: героя, посвятившего себя служению Отечеству, или закулисных западных крыс, использующих государственную службу в личных интересах? Это давняя история. Мы в состоянии войны, начавшейся от падения Черного Ангела, убийства Авеля и уничтожения Содома и Гоморры, и не прекращающейся ни на день.

Если бы десять лет назад Джону Стюарту, отпрыску фермеров из Аризоны, потомку русских эмигрантов, кто-то сказал, что он станет камнем преткновения между двумя мощнейшими спецслужбами мира, он бы рассмеялся так громко, что в комнате бы лопнула лампочка, будь эта комната и лампа где-нибудь рядом. Джон не знал, что всех студентов аризонского колледжа, записавшихся на изучение русского языка, наша разведка автоматически берёт на карандаш. Такова служебная инструкция.

Оперативники на Лубянке гадали, с какой целью обычный фермер оказался в кузнице кадров для АНБ и ЦРУ? Чёрт его знает! Страх упустить нечто важное только подогревал ситуацию. А тут ещё выяснилось, что Стюарта пасут и сами американцы. Оглядываясь на них, пришлось с удвоенной энергией присматриваться к реднеку. Начав с дежурной слежки, обе стороны принялись копать глубже.

Подключились аналитики. Стали сравнивать результаты «свои» и «чужие», и обнаружили столько белых пятен, что пришлось вербовать новых агентов и добывать больше информации. Само собой возник и неприятный вопрос: можно ли доверять сотрудникам, ведущим Стюарта, если они не дают результата? Контрразведка забросала начальство нервными рапортами. Остановить каток паранойи было уже невозможно.

«Все пропало...»

«Русские подкупили 150 наших кадровых офицеров. Нас выбросят за дверь, если об этом узнают в Конгрессе», – слёзно докладывал полковник АНБ Стив Мартин своему начальству. «Мы все под колпаком у АНБ! – кричал генерал Вахрушин на майора Тёркина. – Проворонили! Я вас, блядь, под трибунал!» Выяснилось, что половина всех агентов с обеих сторон оказалась перевербована. По-хорошему, надо было их немедленно сливать. Но кому нужны резкие движения? Командный состав по разные стороны океана не горел желанием лишиться званий и связанных с ними привилегий. Нужно было решить проблему по-тихому. Американцы предъявили каждому, кто находился под подозрением, папку с материалом, грозящим пожизненным сроком. Циничное, но эффективное средство. Что сделали наши? Гостайна. Главное, в итоге порядок был восстановлен. Тревожные сигналы от контрразведки больше не поступали. В кабинеты вернулась рабочая обстановка. Однако после такой «профилактики» рядовой состав сексотов чувствовал себя, как на горячей сковородке. Ошибки в отчётах сыпались одна за другой. Например, лейтенант N сообщал, что в 8.30 утра Джон Стюарт покинул свой дом и направился в церковь, а сержант R указывал, что в это время «клиент» уехал в аэропорт. Что же начальство? Оно лишь укрепило во мнении, что на крючке у них не обычный ковбой, а супер-профессионал, способный ввести в заблуждение лучших офицеров и самую современную технику. Дело Джона отнимало всё больше ресурсов российских и американских спецслужб, а конца ему не было видно. Неопределенности становилось всё больше. И первыми не выдержали русские. Любой ценой было решено сдвинуть дело с мертвой точки.

«Давай, Михалыч...»

После всей этой шпионской карусели, единственным надежным спецом на Лубянке остался майор Эдуард Михайлович Тёркин. Коренастый, широкоплечий, короткостриженный офицер с кристальной репутацией. «Давай, Михалыч, надо что-то решать с этим Стюартом, – по-отечески сказал ему генерал Вахрушин. – Действуй самостоятельно». Покинув генеральский кабинет, майор начал обдумывать варианты. Опытный служака понимал, что победить здесь можно только наглым наскоком. Неожиданным, идущим поперёк всех канонов. Сложный, пусть даже самый умный план приведет к краху. «Вычислят, засветят и сдадут. Причём, не понятно, кто быстрее – свои или чужие», – думал Тёркин, следуя по коридору. Он не любил длинных и помпезных проходов в старых советских учреждениях. Чрезмерно высокие потолки лишали уюта, красные ковровые дорожки смотрелись излишне официально, тёмное дерево мебели было тяжело для глаз. Квинтэссенция царской власти, правления Политбюро и прочих патриархальных институтов давила на психику. Тёркин старался попасть к себе как можно быстрее. Наконец, он закрыл за собой дверь рабочего кабинета. Подошёл к окну и отодвинул занавеску. На углу возле Никольской толпились люди. Часть из них вышла из бургерной «Фарш», где вкус булочек настолько хорош, что невольно задаёшься вопросом, не подмешивают ли в них чего. Иные двигались на смотровую площадку «Детского Мира», откуда открывается чудесный вид на Китай-Город. Другие ломались в неприлично премиальную «Гранд Кофеманию». Из дверей «Рыбы нет» выкатилась инвалидная коляска. Её сопровождающий и сам «пассажир» были изрядно навеселе, и что-то распевали на ходу. Взгляд майора остановился на подвыпившей парочке, и через мгновение план работы по Стюарту был готов.

Кальсоны, демократы и женские прокладки

Джон сделал попытку открыть глаза, но не смог. Голову окутывал плотный туман. «Вот это я перебрал вчера в баре», – подумал он. Огромным усилием раздвинул веки, и неожиданно увидел себя не в постели, а в салоне самолёта. Слева от него сидел коротко стриженный тип в чёрном костюме, а справа – старичок с характерным семитским носом. Он без умолку болтал, сильно картавя: «... именно Россия представляет традиционные ценности. Мы живём по библейским законам уже тысячу лет. В Ветхом Завете наше прошлое, настоящее и будущее. Вы хотите примера? Извольте. Вы же знаете о падшем Ангеле? Он восстал и был низвергнут. Наша оппозиция действует по образу и подобию. Они ему подражают. Элементарно вошли в роль. Мечтают уничтожить государство, даже если для этого придётся погрузиться в хаос. А здесь в США: демократы, республиканцы... смешно. Разве в Библии есть что-то о двухпартийной системе? Я вас умоляю. У Бога есть вице-президент? Не смешите меня. Молодой человек, э-э-э. Я все понимаю. Ветхий Завет – не истина в последней инстанции. Там, между нами говоря, по большей части советуют, как очиститься от ночной поллюции. В моем возрасте это не актуально. Но там нет ничего о том, как сохранить ноги в тепле. Если вы не хотите замёрзнуть в России, слушайте меня внимательно. Старик Фишман вам поможет. Вы ещё не знаете, что такое настоящий холод. Я носил брюки с начёсом, но они не спасали от ветра, который поддувал снизу. Вы знаете, как он коварен, этот холодный ветер? Если у вас штаны с завязками, думаете, это решает? Нет. Вы мало знаете о неприятностях. Я поддевал кальсоны. Их шьют для стариков. От них потеет под коленками и удовольствия мало. Потом старик Фишман устал и купил себе футбольные трусы и гетры. Только с ними под брюками и тепло и сухо. Но это только на улице. В метро, молодой человек, всё гораздо хуже. Как вы думаете, кто меня спас? Бабушка с семечками у вокзала. Кто знает за мороз больше чем она? Она сказала, надо класть в обувь газету. Когда первая газета промокает, её надо менять на вторую. Главное, носить прессу с собой, потому что киосков сейчас мало. А женские прокладки вместо стелек не работают. Это, знаете ли, ерунда».

Убаюканный монологом Фишмана, Джон Стюарт снова заснул. На грани бодрствования он понял, что находится не в Аризоне и вообще не в США, но сил сопротивляться не было, и он провалился во тьму.

Клиент готов

«Ну, и как ты его взял? – спросил генерал Вахрушин майора Тёркина. – За ним ведь трое агентов круглые сутки ходят как приклеенные».

«Товарищ генерал, нервы у них ни к черту. Каждый по два раза перевербован. Можно сказать, на грани инфаркта. С такими работать – одно удовольствие. Нужно направление им задай, и как на картине „Слепые“ Брейгеля, все валятся в одну ямку».

«Понятно, а с Джоном как?»

«Подождал, пока он в бар зайдет и выпивку закажет. Сунул официанту двадцать баксов. Пиво сам принес».

«Налил ему нашего фирменного?» – улыбнулся генерал.

«Мейд ин Лубянка! Ха-ха-ха!!» – разразился смехом майор, а вслед за ним громко и продолжительно загоготал Вахрушин.

«Знатная вещь, – отдышавшись, сказал генерал. – Мы этим спецпивом по молодости баловались. Засекали, кто позже отрубится. Больше двух минут, помню, никто не смог продержаться. Дальше что было?»

«Потом его в инвалидную коляску – и к мексиканской границе. Стену Трамп ещё не построил. Оттуда – на побережье и на катер одного наркобарона. Полное время операции – 28 часов».

«Хвалю! Что теперь?» – спросил Вахрушин.

«Обрабатываем. Допрос посмотрите?»

Майор достал планшет, положил перед генералом. На экране появилась комната. За столом сидели Стюарт и Тёркин. Лампа на столе была направлена в лицо американца. Джон все ещё испытывал на себе действие лубянского пива, и потому на внешние раздражители реагировал слабо.

«Я расскажу тебе одну историю, Джон, слушай внимательно, – начал Тёркин. – Когда бомбили Югославию, я устроился в пресс-центр „журналистом“ и месяц просидел в Сараево в расположении натовских войск. Сдружился с офицерами. Подход к каждому нашёл. И вот однажды сидим мы вечером в пятницу в кафе. Вместе со мной за столом – два полковника. Сидим, скучаем. Подсаживается к нам симпатичная девушка-сержант. Наконец, думаю, веселее будет. А полковники на неё ноль внимания. Она через пять минут и ушла. Знаешь почему? Я выяснил. Негласное правило. Нельзя трахать того, кто ниже по званию. Я засмеялся. Это невозможно отследить! Оказалось, ещё как можно. Без всякого надзора со стороны начальства. Стучат друг на друга, как зайцы на барабане. Я тогда чётко понял, что стучать им даже больше нравится, чем трахаться».

Дав Стюарту возможность осмыслить сказанное, Тёркин разложил перед ним фотографии и продолжил.

«Посмотри на этих хмырей. Узнаешь? Этим любителей однополых браков и сырой рыбы? Своих однокурсников из группы по изучению русского языка в колледже. Они твой дом от фундамента до крыши датчиками напичкали. Была бы возможность, они бы тебе жучок в задний проход вставили. Не знаешь почему? Мне от тебя секретов не нужно. Ты только намекни, в чём дело, и через двенадцать часов будешь дома».

Майор поднялся, обошёл стол и встал за спиной у Джона. Выдержав паузу, он медленно и с чувством произнёс: «Когда я вижу этих педрил, мне хочется блевать». После чего брезгливо смахнул фотографии на пол.

«Мне тоже, сэр», – вдруг заговорил Стюарт. «Мне тоже», – повторил американец.

На этом запись закончилась.

«Молодец! – похвалил Вахрушин Тёркина. – Давай уже заканчивай с ним. Клиент готов. И обратно отправляй быстрее, пока международный скандал не учинили».

Тёркин отдал честь и вернулся в камеру.

«Какие у меня гарантии? – спросил Стюарт у майора. – Если я помогу вам, я должен быть уверен в безопасности».

«Джон, – доверительно сказал Тёркин. – Я часто вспоминаю один сон. Издалека долго течёт река Волга. Среди снегов белых. Среди хлебов спелых. А я стою на берегу, и мне семнадцать лет. Потом мне уже тридцать. Затем семьдесят. Я не знаю, откуда течёт эта река, и куда она направляется. Но я счастлив. Вдруг, в один момент, мне снова семнадцать. И я пою. С далёких плёсов в звездной тишине другой мальчишка – такой же, как я – подпевает мне. Этот сон долго не давал мне покоя. Пришлось сходить к специалисту. Он у нас шифры АНБ разгадывает. Так вот, он сказал, что я видел матрицу России: откуда мы пришли – непонятно, куда идём – не различить, но когда вместе поём одну песню – мы счастливы. Понимаешь, Джон? В Европе законы родились из тесноты и трения тел друг об друга, и не всегда, кстати, образного. А у нас только человек, река и друг на далёких плёсах. Улавливаешь? Мы законы свои получали не из парламентов – из Космоса. Как реднеки. Так что, дружище, никто здесь твоей заднице не угрожает. Во всех смыслах этого слова».

«Я могу позвонить домой?»

Тёркин протянул ему мобильный телефон. Стюарт хотел взять трубку, но майор придержал её.

«Потом ты поможешь нам?»

Американец кивнул. Тёркин отдал смартфон.

«Что я могу сказать жене?» – спросил Джон.

«Скажи, напился, проснулся в другом городе, ничего не помню. Ты разве „Иронию судьбы“ не смотрел? Ах, ну да. Ты так хорошо говоришь по-русски, что я подумал было... У тебя десять минут», – сказал майор и вышел из комнаты.

Сны офицеров

Тёркин знал, через десять минут ему откроется секрет самого запутанного дела в истории противостояния спецслужб России и США. Дела, испортившего отношения между двумя ядерными державами и раздувшего годовой бюджет СВР, ФСБ, АНБ и ЦРУ больше, чем на треть. Дела, которое началось со слежки за ничего не значащим ковбоем, и в итоге обернулось крупнейшим скандалом, связанным с так называемыми «русскими хакерами». По версии СМИ, они вмешивались в американские выборы, хотя в реальности это был только отблеск, лишь небольшой эпизод той электронной войны, что развернулась вокруг Джона Стюарта. Парня, о котором точно было неизвестно, кто он: марионетка, пустышка или профессиональный игрок?

Майор будто стоял на пороге секса со сногшибательной красоткой. От него ничего не требовалось. Никаких ухаживаний. Готовая на все, модель из Playboy медленно падала в его руки. И он захотел насладиться этим. Прочувствовать каждую из тех шестисот секунд ожидания, что отмерила ему судьба. Что может быть слаще медленного открывания двери в рай? В академии внешней разведки Тёркина научили технике, которой еще с НКВД поделились товарищи из индийской компартии. Тренировки были простыми. В течение пяти лет каждый день по часу сидеть и с минимально возможной скоростью поворачивать голову справа налево, а потом в обратном направлении. Главное, с каждым разом делать это медленнее и медленнее. Нехитрое на первый взгляд упражнение творило чудеса. Секунды превращались в минуты, минуты в часы и затем время совершенно утрачивало свою реальность. Полностью переставало влиять на события. В освободившееся пространство вмещалось столько оперативной работы, что любое сложное расследование получало неисчерпаемые ресурсы. Раскрываемость повышалась в разы. Однако сегодня Тёркин решил воспользоваться этой техникой не для работы, а для личных нужд, и не рассчитал, что когда нет служебной цели, подобные упражнения заканчиваются не воротами в вечность, а банальным храпом. Тёркин заснул. Как часто жизнь, не ведая жалости, вносит коррективы в наши планы на будущее.

Любите ли вы сны штатных офицеров ФСБ, как люблю их я? Тогда погрузимся в белую мглу, где четвёртый день пурга качается над Диксоном. Пищит морзянка за стеной веселым дискантом. Кругом снега, хоть сотни вёрст исколеси. И столь близка сердцу евразийского офицера жизнь советских геологов, что хочется ему обнять этих широкоплечих парней и расспросить о самом главном. Палатки звёздами мохнатыми усеяны. Их дальний свет в своем ты сердце не гаси. Это сон о Севере. О самом сказочном месте нашей страны. Но вот, зимовка кончилась. Помчался Тёркин на оленях, прыгнул в нарты, полетел на самолёте, сел в такси. И попал он в Москву, на Тверскую. И зажглась главная улица иллюминацией, и заискрились по бокам дороги бокалы с шампанским. Красиво безумно.

Чтобы не происходило в России – малое или великое, всё индивидуально лишь отчасти. Здесь любой процесс, подчиняясь Закону Матрёшки, является гармоничной частью общего действия, иллюстрируя тем самым исконную российскую собранность. Поэтому, когда майор прикорнул в своём кабинете, спали все. И генерал кабинетом выше, и дежурный на входе в здание. Чей бы ещё сон, кроме майора, нам посмотреть? Выбирая между грёзами командного и рядового состава, лучше предпочесть последний вариант. На высокой должности человек скучен и скрытен. Лишней информации не выдаст. Куда интереснее сны сержанта, проверяющего документы в дверях. Ведь из огромного числа таких, как он, и составляется общий вектор страны. Не зря же говорил Глинка, что музыку пишет народ, а композиторы только записывают. И был сон сержанту в отделе пропусков. И назывался он «Атака ботов». И встали в один ряд боты «Сбербанка», «Озона» и «Утконоса». И пришла к ним «Алиса». И сомкнули они свои ряды. И двинулись они через Атлантический океан по интернет-кабелям. И горели их глаза праведной яростью. И размахнулась «Алиса» и ударила Google-переводчику в челюсть,

а бот «Сбербанка» всадил боту Amazon по яйцам. И набежала тут тьма-тьмущая электронных помощников из Силиконовой долины – умные дома, органайзеры, интернет-вещей и прочая нечисть. И пошли они на «Алису», но встали боты «Утконоса» и «Озона» и начали косить атлантических подпевал, только хруст стоял по всей Калифорнийской земле. И обагрилась вода жидкостью для протирки мониторов, и падали перекушенные провода... Так прошёл день, и прошла ночь. А пока вся эта катавасия творилась, старик Фишман потихоньку залез в машины для голосования. И поскольку это уже служебная информация, сон рядового сотрудника ФСБ был принудительно прерван. Ради его и государственной безопасности. Эти чередования сна и неожиданного пробуждения так характерны для российского государства. Сколько раз наша страна спала, а потом когда ее тормозили, разлепляла заспанные глаза и в ужасе вопрошала: «Где я? Что случилось? Кто все эти люди?» Много. Много раз было. И сколько раз ещё будет. Впрочем, вернёмся на Лубянку. Там, в камере, американец уже поговорил с женой по телефону и ждёт возможности сообщить Тёркину важные сведения.

Держи салют!

«Товарищ майор, – разбудил Тёркина секретарь, – американец готов дать показания».

Майор спустился в подвал. Стюарт без предисловий заговорил: «Мой прадед приехал в США из России в 1903 году. У нас сохранилось много фамильных ценностей – писем, книг, альбомов. Мне хотелось сбересть эту ниточку, связывающую меня с предками. Научиться читать и писать по-русски я мог только в одном аризонском колледже. Сначала всё было хорошо. Я сдал экзамены, поступил. Но затем начались проблемы с однокашниками. Я подружному воспитан. Я не понимал их взгляды на жизнь. Понимаете, я родился на Юге, и у нас не принято обсуждать феминизм, гей-браки, наркотики. Мы слушаем кантри, пьём пиво и понимаем, что отец главный в семье. К сожалению, совсем игнорировать однокурсников было невозможно. Они хвастались мне своими родителям – высокопоставленными сотрудниками Агентства Национальной Безопасности США и Центрального Разведывательного Управления. Их ждала аналогичная карьера. Российское направление считалось перспективным. Они постоянно звали меня на свои пидорастичные вечеринки, но единственное, что я хотел, так это заехать кому-нибудь из них по морде. Однажды почти вмазал. Но мимо шёл директор. Вызвал к себе, провёл беседу. Сказал: не налажу с однокурсниками контакт – отчислит. Пришлось пойти на день рождения Билла Маккейна, одного из этих изнеженных генеральских сынков. Подумал, посижу ближе к выходу и при первой возможности слиняю. Купил подарок, надел костюм. Прихожу к этому уроду, а там уже веселье в разгаре. Прыгают под Томаса Андерса и Дитера Болену. Скачут в одних стрингах. Лица помадой разукрашены. Сраный парад геев. Чувствую, сейчас у меня жилка на шее порвется. Подошел к имениннику, вручил подарок. Чуть не сблевал. Накопилось во мне. Понял, нужна разрядка. Вышел на улицу, дошёл до супермаркета, купил петард. Набил в каждую собачьего говна, благо его возле колледжа хватало. Вернулся, отдал Биллу, добавил, типа: „Ещё раз с праздником. Держи салют“. И свалил домой. Как стемнело, они на лужайку выбежали с моими петардами, и когда после выстрелов проклятия понеслись, у меня от души отлегло. Тяжесть из груди ушла. Думал, отчислят. Нет. На следующий день все улыбаются. Отмылись, не пахнет. Я тогда понял, что ответ будет, но не сейчас. По лицам их прочитал. За фальшивыми смайликами заметил...».

Джон Стюарт еще долго рассказывал, но майор Тёркин уже не слушал. Он всё понял. Проблемой было облечь неожиданно открывшуюся бездну обстоятельств в правильные слова. Тёркину предстояла бессонная ночь. Хватит ли её для составления адекватного отчёта начальству, он не знал.

Москва. Кремль

«Хочешь сказать, что все сегодняшние скандалы между нашими странами, вся эта возня вокруг вмешательства в выборы, наезды на „русскую пропаганду“, экономические санкции, противостояние в Сирии и бред в Конгрессе, в общем, всё это дерьмо сделала горстка обиженных Джоном в колледже пидорасов? И лишь за тем чтобы впоследствии замкнуть эти дела на Стюарта, и тем самым подставить его, отца троих детей – в расцвете сил, под пожизненное заключение, а лучше – под электрический стул? А эти голубки, они ведь дети влиятельных шишек, и сегодня уже занимают нехилые посты в ЦРУ, АНБ и ФБР? Для того ведь и учили русский... А мы, как придурки, гадали, кто такой Джон! Примитивная ловушка для наших вербовщиков или тонкая игра профессионалов? Идиоты! Какая особо секретная информация может быть у обычного реднека?! Ты понимаешь, что я должен сказать Президенту?» – генерал Вахрушин повысил голос на Теркина и раскраснелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.